

С. Н. Боков

кандидат медицинских наук, доцент
Воронежский государственный университет

**СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ДЕЛАХ ПО ИСКАМ
О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА:
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ТЕОРИИ**

Судебно-психологическая экспертиза в делах по искам о возмещении морального вреда (далее — СПЭ) — один из самых потенциально высоко востребованных видов судебно-психологической экспертизы. В настоящее время он получает все большее распространение как в гражданских, так и в уголовных делах (теоретически этот вид судебно-психологической экспертизы может быть востребован и в делах об административных правонарушениях, однако «малый размер» административных санкций в сопоставлении с «себестоимостью» проведения СПЭ на практике сводит на нет практическую значимость использования данной судебно-психологической экспертизы).

Потенциально высокая востребованность СПЭ обусловливается двумя причинами. Во-первых, постоянно увеличивается количество гражданских и уголовных дел, связанных с исками о возмещении причиненного морального вреда. Во-вторых, сама сущность морального вреда предполагает его исключительную обусловленность индивидуально-психологическими особенностями истца (потерпевшего) (то событие, которое явилось моральным вредом для одного человека, совершенно не обязательно будет моральным вредом и для остальных людей). В силу этого по *каждому* делу о возмещении морального вреда для его *объективизации* необходимо назначать СПЭ, в противном случае объективное рассмотрение дела невозможно, а вынесенное без проведения СПЭ судебное решение может быть лишь одним из примеров, иллюстрирующих практическое использование дистанционной психодиагностики, т.е. служить хорошим ориентиром в том, что является моральным вредом для самого судьи.

Гражданское законодательство Российской Федерации под моральным вредом понимает физические или нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» определил моральный вред как «нравственные страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, или нарушающие его личные неимущественные права, либо нарушающие имущественные права гражданина».

Однако, несмотря на то, что комплекс юридических норм о компенсации физических и нравственных страданий (т.е. о компенсации морального вреда) существует в современном отечественном праве с 1991 года¹, русскоязычной литературы, посвященной научной разработке проблемы морального вреда, немного, тем более работ, в которых раскрывались бы теоретико-методологические и практические основы (методика проведения) судебно-психологической экспертизы в делах по искам о возмещении морального вреда. Соответственно, следует признать, что проводимые в настоящее время подобные судебно-психологические экспертизы все еще представляют в большей мере искусство эксперта-психолога (основанное, разумеется, на его научных познаниях и опыте), чем доказательный (термин употребляется в значении «объективный», «действительно существующий», как это принято в настоящее время в мировой и отечественной медико-биологической и психологической науках) научно-методически выверенный процесс исследования. Разумеется, подобная ситуация не соответствует современному уровню развития судебно-психологической экспертологии, особенно с учетом происходящего во всем мире процесса внедрения принципа доказательности в науку.

Наиболее известны в настоящее время в нашей стране взгляды таких исследователей теоретических и прикладных вопросов компенсации морального вреда, как А. Л. Анисимова, Т. П. Будяковой, К. И. Голубева и С. В. Нарижного, Д. И. Гущина, А. Н. Калининой, Н. С. Малейна, М. Н. Малейной, А. М. Эрделевского, причем в трудах последнего все теоретические аспекты учения о моральном вреде представлены наиболее подробно.

Между тем во всех опубликованных отечественных работах по анализируемой тематике (за исключением нашего исследования 2005 г.)² не содержится системного теоретического обоснования судебно-психологической экспертизы в делах по искам о возмещении морального вреда и изложения методики ее проведения, что делает проведение этого вида судебно-психологической экспертизы достаточно субъективным, зависящим от опыта, интуиции эксперта и его субъективных представлений о моральном вреде.

Основные положения, составляющие основу теории судебно-психологической экспертизы в делах по искам о возмещении морального вреда, могут быть сведены к следующим:

1) моральный вред является особой психологической (а точнее — психофизиологической) категорией, которая в каждом случае должна быть объективизирована с помощью методов научного психологического

---

¹ См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

² См.: Боков С. Н. Судебно-психологическая экспертиза в делах по искам о возмещении морального вреда // Уголовное право и криминология: Современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 22—28.

исследования в виде нарушений психофизиологического состояния, поведения, психического и/или психосоматического здоровья (с этой позиции можно условно говорить о том, что моральный вред объективен),

2) психологической (психофизиологической) основой морального вреда является психологический дистресс в понимании учения Г. Селье (рубрика F 43 Международной классификации болезней 10-го пересмотра — МКБ-10),

3) моральный вред всегда лично обусловлен, всегда индивидуален, в механизмах его возникновения одно из ведущих мест занимает концепция личностного смысла (и в этом аспекте моральный вред может быть рассмотрен как сугубо субъективное образование), поэтому нет оснований говорить об универсальном, едином для всех моральном вреде,

4) судебно-психологическая экспертиза на современном этапе развития учения о моральном вреде выступает как ведущий механизм его «объективизации», без которого каждое судебное решение будет основываться только на субъективных представлениях судьи о моральном вреде, но не на объективных обстоятельствах дела.

Раскроем изложенные выше положения подробнее.

1. Как уже упоминалось выше, Гражданский кодекс Российской Федерации под моральным вредом понимает физические или нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ). Между тем такое определение является чрезвычайно общим, нечетким, очень большим по своему содержанию и допускающим весьма разные толкования. Т. П. Будякова, анализируя содержание понятий «физические» и «нравственные страдания» в работах некоторых отечественных юристов, приводит сводную таблицу, включающую в себя чрезвычайно широкий спектр категорий — от «дискомфортного состояния» до «физической боли»³.

Конкретное рассмотрение содержаний понятий физических и нравственных страданий, приводимых в трудах наиболее известных отечественных исследователей вопроса, показывает, что и они в немалом числе случаев также неопределенны. Так, например, можно ли объективизировать «физическое» или «нравственное» страдание, если раскрывать его как «раздражение», «дискомфортное состояние»⁴; «головные боли», «боли в желудке»⁵; «физическая боль», «разочарование»⁶; «боль», «удушье», «тошнота», «зуд», «жжение», «возмущение»⁷? Подобное понимание размывает

³ См.: Будякова Т. П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 19.

⁴ См.: Малейн Н. С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3. С. 39; Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации. М.: ВЛАДОС ПРЕСС, 2001. С. 48.

⁵ См.: Голубев К. И., Наризжый С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. С. 93—94.

⁶ См.: Малейна М. Н. Личные неимущественные права: Понятие, осуществление, защита. М.: МЗПресс, 2001. С. 48.

⁷ См.: Гуцин Д. И. Юридическая ответственность за моральный вред. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 165.

понятие морального вреда, а использование таких категорий в судопроизводстве неизбежно приводит к подмене объективной оценки судьей (судом) реальной правовой категории морального вреда своими субъективными представлениями «о том, что такое «моральный вред» и каковы его признаки»⁸. В подобном случае произвольного судейского усмотрения оно превращается в право тирана: «Оно всегда в неизвестности, оно различно у разных людей, оно случайно и зависит от конституции и страсти. В лучшем случае оно временами своенравно; в худшем — оно любой попор, глупость, безрассудство, к которым склонна человеческая натура»⁹.

Очевидно, что такой подход для любого правового государства является совершенно неприемлемым.

Заслуживает внимания точка зрения А. М. Эрделевского, сводящаяся к тому, что моральный вред проявляется как *негативные* физические ощущения, *негативные* эмоции и *неблагоприятные* в психологическом отношении состояния¹⁰. Вместе с тем автор отказывается от дальнейшего развития этих положений, аргументируя это невозможностью теоретического и практического решения вопроса на современном этапе; при этом он предлагает исходить не из вида (характера) нравственных или физических страданий, а из характера и значимости тех нематериальных благ, которым причинен вред¹¹. Невозможно не согласиться с тем, что значимость конкретных нематериальных благ, которым причинен вред, имеет основное значение. Однако с тем, что имеет значение характер этих благ, согласиться нельзя, так как принятие такого положения в качестве исходного может выхолостить сам институт морального вреда, сгладив грань между собственно *моральным* и всеми иными видами неимущественного вреда. Любое, даже самое серьезное негативное жизненное событие, отражается на психофизиологическом состоянии индивидуума лишь тогда, когда оно проявляется как индивидуально уязвимое, и при этом индивидуальные адаптивные возможности человека оказываются не в состоянии обеспечить необходимый уровень приспособления к его окружению¹². Именно поэтому *принципиально* не может быть принята и концепция среднего разумного человека¹³, которая по своей сути *лишает* истца индивидуальности, перенося акцент на некие сравнимые внешние обстоятельства.

⁸ *Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С.* Судебно-психологическая экспертиза: Методическое руководство. Калуга; Обнинск; М.: Б.и., 1997. С. 156—157.

⁹ *Барак А.* Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. С. 23.

¹⁰ См.: *Эрделевский А. М.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 130.

¹¹ См.: Там же. С. 130—131.

¹² См.: Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / Пер. на рус. яз. под ред. Ю. Л. Нуллера, С. Ю. Циркина. СПб.: АДИС, 1994. С. 145.

¹³ См.: *Афанасьева Е. Г.* Деликтная ответственность за причинение вреда пациентам по праву США (научно-аналитический обзор) // Реф. журн. Право. 1995. № 1. С. 61.

Необходимо исходить также и из смыслового значения термина «страдание». Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, страдание определяется как физическая или нравственная боль, мучение¹⁴. В свою очередь «боль» определяется как ощущение страдания, приступ физического страдания¹⁵, а «мучение» — как мука, страдание¹⁶. Во всех случаях «страдание» несет в себе усиленную, превосходную степень эмоциональной нагрузки, что и следует обязательно учитывать, раскрывая это понятие в теории морального вреда. Разумеется, по этой причине раздражение, грусть, дискомфортное состояние вряд ли следует относить к проявлениям морального вреда (последнее из них, т.е. дискомфортное состояние, вообще лишено какого-либо определенного психофизиологического содержания, являясь чем-то неопределенным), а боль, тошноту, зуд, головокружение, разочарование, жжение и т.п. можно рассматривать как моральный вред в зависимости от степени их выраженности.

Нетрудно, кстати, заметить, что абсолютно все отдельные проявления морального вреда, приводимые всеми авторами, — не что иное, как симптоматика различных психофизиологических нарушений.

Следует прийти к заключению, что все попытки «раздельного», конкретного, «перечислительного» рассмотрения понятия физических и нравственных страданий заранее обречены на неудачу из-за чрезмерно общего характера данных понятий в сочетании с их биосоциальной направленностью. Неучет последнего обстоятельства (биосоциального характера данных понятий) неизбежно заведет все дальнейшие попытки их трактовки в тупик. Решение проблемы заключается в обязательном учете того, что физические и нравственные страдания в своей основе биосоциальны, и создании не отдельных, частных толкований их содержания, а концептуального подхода к их раскрытию. Следуя этому, физические и нравственные страдания следует рассматривать как научно доказанные психофизиологические проявления последствий психической травмы; такой подход позволяет непротиворечиво объяснить все разнообразие описываемых в литературе отдельных проявлений физических и нравственных страданий, сохраняя их строго научное обоснование.

Таким образом, моральный вред, как представляется, является объективно существующей комплексной юридико-психологической категорией. Возникая произвольно, помимо желания и воли истца, он существенным образом дезорганизует его психофизиологическое состояние, приводя к различным (негативным) нарушениям поведения, психического и/или психосоматического здоровья.

Исходя из такого юридико-психологического понимания морального вреда он в каждом случае может (и должен!) быть обнаружен (объекти-

---

¹⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. С. 760.

¹⁵ См.: Там же. С. 52.

¹⁶ См.: Там же. С. 363.

визирован) с помощью методов научного психологического исследования¹⁷.

2. Психофизиологической основой морального вреда является психический дистресс в понимании учения Г. Селье об общем адаптационном синдроме (стрессе). Так как дистресс всегда предполагает только негативные изменения в организме (ср. с приведенным выше пониманием А. М. Эрделевским нравственных и физических страданий) той или иной степени выраженности, в науке вообще и в судебно-психологической экспертологии в частности следует руководствоваться как можно более доказанными и проверенными положениями; в оценке дистрессовых проявлений нужно ориентироваться на действующую Международную классификацию болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). В ней этому соответствует рубрика F 43 «Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации»¹⁸ (в том числе кризисное состояние, острая кризисная реакция, болевая усталость, психический шок). Согласно общим указаниям к этой рубрике, стрессовые события или продолжительные неприятные обстоятельства являются первичным и основным причинным фактором; никакие расстройства не возникают без их влияния. Таким образом, в качестве «пусковых» факторов морального вреда выступают исключительно сильное стрессовое жизненное событие, вызывающее острую стрессовую реакцию, или значительное изменение в жизни, приводящее к продолжительно сохраняющимся неприятным обстоятельствам, в результате чего развивается расстройство адаптации. В качестве еще одного — третьего — причинного фактора морального вреда следует, как представляется, считать и упоминаемый в этой же рубрике менее тяжелый психосоциальный стресс («жизненное событие»), хотя «наличие психосоциального стресса», рассматриваемого изолированно, без учета личностных особенностей человека, «не необходимо и недостаточно для объяснения возникновения и формы расстройства»¹⁹.

Особо следует подчеркнуть (об этом будет сказано и далее), что моральный вред имеет исключительно индивидуальную окраску. Нет и не может быть какого-либо универсального морального вреда. Даже острая реакция на стресс (F 43.0 по МКБ-10) в своем возникновении и проявлении сугубо индивидуальна и зависит от индивидуальной стрессовой уязвимости индивидуума и состояния его системы адаптации²⁰. Это означает, что дистрессовые расстройства развиваются не у всех людей, подвергшихся даже типичным сильным стрессовым воздействиям (как, например, природная катастрофа, несчастный случай, война,

¹⁷ Здесь уместно напомнить о позиции Европейского Суда по правам человека, который считает, что презумпции должны относиться к классу неопровержимых, а также быть достаточно серьезными и точными (*Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 74.

¹⁸ Международная классификация болезней (10-й пересмотр). С. 144—149.

¹⁹ Там же. С. 144.

²⁰ См.: Там же. С. 145.

преступное поведение, сексуальное насилие, потеря многих близких, пожар в доме и т.д.)²¹; в таких случаях говорить в дальнейшем о моральном вреде не представляется возможным. В связи с этим возникает вывод о том, что наличие сильного стрессового жизненного события, приводящего к расстройству адаптации (но не «менее тяжелого психосоциального стресса»!), является необходимым, но недостаточным условием для возникновения впоследствии у субъекта морального вреда.

В доказывании морального вреда необходимо устанавливать наличие у истца четко связанной по времени с действием стрессора (немедленно или через несколько минут) следующей симптоматики:

«а) имеют смешанную и обычно меняющуюся картину; в дополнение к инициальному состоянию оглушенности могут наблюдаться депрессия, тревога, гнев, отчаянье, гиперактивность и отгороженность, но ни один из симптомов не преобладает длительно;

б) прекращаются быстро (самое большее в течение нескольких часов) в тех случаях, где возможно устранение стрессовой обстановки. В случаях, где стресс продолжается или по своей природе не может прекратиться, симптомы обычно начинают исчезать спустя 24—48 часов и сводятся к минимуму в течение 3 дней»²².

Следует уточнить, что «состояние оглушенности», о котором идет речь в п. «а» диагностических указаний, не есть классическая оглушенность как отдельный вид расстройства сознания, а представляет собой некоторое сужение поля сознания и снижение внимания²³.

Среди симптомов острой реакции на стресс часто присутствуют вегетативные признаки — тахикардия, усиленное потоотделение, покраснение кожных покровов.

Важно, что может присутствовать полная или частичная амнезия эпизода²⁴, что *потенциально всегда* в значительной степени обесценивает показания лиц, перенесших острое стрессовое состояние.

Но сам по себе, взятый в отдельности, острый стресс не является достаточным условием для возникновения в дальнейшем морального вреда.

310 Опуская здесь аспекты последующей индивидуализации острой реакции на стресс, реализующей перевод данной психофизиологической категории в юридическую категорию морального вреда (об этом подробно будет сказано ниже), рассмотрим вопрос о времени, в течение которого происходит этот процесс. Это важно для анализа в правовой литературе проблемы ограничения сроков исковой давности в делах о компенсации морального вреда. М. А. Степанов, например, полагает, что за определенными исключениями требования о компенсации морального вреда должны быть ограничены общим сроком давности в три

²¹ См.: Международная классификация болезней (10-й пересмотр). С. 145.

²² Там же. С. 146.

²³ См.: Там же. С. 145.

²⁴ См.: Там же.

года (ст. 196 ГК РФ), однако какого-либо расширенного обоснования своей точке зрения он в своем исследовании не приводит²⁵.

Знание этого необходимо для того, чтобы решать вопрос о том, в течение какого времени возможно формирование морального вреда, и, следовательно, каков срок заявления истца о том, что ему причинен моральный вред. По истечении данного срока новые психофизиологические основы морального вреда уже не формируются, поэтому утверждения истца в этот период о причинении ему морального вреда должны оцениваться с обязательным тщательным рассмотрением их мотивации.

Из двух форм постстрессовых расстройств, выделяемых в МКБ-10, несомненно, большее значение имеет «Расстройство адаптации» (F 43.2)²⁶. Это состояния *субъективного* и эмоционального расстройства, обычно препятствующие социальному функционированию и продуктивности и возникающие в период адаптации к значительному изменению в жизни или стрессовому жизненному событию. «Более важную, чем при других расстройствах в F 43.2, роль в риске возникновения и формирования проявлений адаптационных расстройств играет индивидуальная предрасположенность или уязвимость, но, тем не менее, считается, что состояние не возникало бы без стрессового фактора. Проявления различны и включают депрессивное настроение, тревогу, беспокойство (или их смешение); чувство неспособности справиться, планировать или продолжать оставаться в настоящей ситуации; а также некоторую степень снижения продуктивности в повседневных делах. Индивидуум может чувствовать склонность к драматическому поведению и вспышкам агрессивности, но они встречаются редко»²⁷. Следует полагать, что данные психофизиологические нарушения при их соответствующей личностной переработке могут являться психологической основой морального вреда.

Важно, что подобные проявления обычно начинаются в течение месяца после стрессового события или изменения жизни, а продолжительность симптоматики обычно не превышает 6 месяцев, за исключением пролонгированной депрессивной реакции (F 43.21), которая продолжается не более 2 лет²⁸.

Расстройства адаптации могут иметь значение в дальнейшем развитии разнообразных психофизиологических нарушений, а последние — участвовать в патогенезе достаточно широкого спектра патологии с психосоматическими компонентами.

Другим последствием острого стресса является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) (F 43.1)²⁹. Оно возникает как отстав-

---

²⁵ См.: Степанов М. А. Доказывание по гражданским делам о компенсации морального вреда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук // (<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=125281>).

²⁶ См.: Международная классификация болезней (10-й пересмотр). С. 147.

²⁷ Там же. С. 148.

²⁸ См.: Там же. С. 148—149.

²⁹ См.: Там же. С. 146—147.

ленная и/или затяжная реакция на стрессовое событие или ситуацию (кратковременную или продолжительную) исключительно угрожающего или катастрофического характера, которые в принципе могут вызвать общий дистресс почти у любого человека (например, природные или искусственные катастрофы, сражения, серьезные несчастные случаи, наблюдение за насильственной смертью других, роль жертвы пыток и т.д.). Роль личностных черт при этом минимальна, но они все же имеют определенное значение. Симптоматика достаточно разнообразна; необходимо отметить, что осложняющим ее фактором может быть избыточное употребление алкоголя или наркотиков³⁰ (если следовать логике перечисления признаков морального вреда в виде перечня физических и нравственных страданий, избыточно популярной в наши дни, то это тоже с полным основанием имеет право войти в их число).

ПТСР возникает вслед за острым стрессом после определенного латентного периода, который может варьировать от нескольких недель до месяцев, но редко превышает 6 месяцев. Течение ПТСР волнообразное, в большинстве случаев наблюдается спонтанное выздоровление. Лишь редко состояние может обнаруживать хроническое течение на протяжении многих лет и переходить в хроническое изменение личности (F 62.0 по МКБ-10).

Таким образом, практически важным выводом, следующим из приведенных выше сведений, является то, что сроки исковой давности в делах о компенсации морального вреда должны ограничиваться двумя годами, в противном случае они теряют свое научное обоснование, так как не базируются на психофизиологических основах морального вреда.

Это вовсе не означает, что истец не может обратиться в суд и по истечении двух лет после события, но здесь надо выяснять, были ли вообще у него психофизиологические корреляты морального вреда, а если были, то почему они (возникшие не позднее двух лет со дня события!) вдруг стали актуальными в более поздние сроки.

3. Одной из центральных проблем теории судебно-психологической экспертизы в делах по искам о возмещении морального вреда является проблема индивидуальных психологических особенностей истца (потерпевшего). В отечественной науке ей посвящено достаточное количество публикаций, которые обобщены Т. П. Будяковой в книге «Индивидуальность потерпевшего и моральный вред» (2005)³¹. Однако даже в этой, в целом достаточно интересной монографии, оставлены без рассмотрения многие важные вопросы. Абсолютное же большинство сугубо правовых публикаций характеризуется отсутствием четкого понимания связи индивидуально-психологических особенностей истца (потерпевшего) и возникновения у него морального вреда (например, даже у наиболее известного исследователя проблемы А. М. Эрделевского говорится о преимуществах концепции среднего разумного человека: при наличии у

---

³⁰ См.: Международная классификация болезней (10-й пересмотр). С. 147.

³¹ См.: Будякова Т. П. Указ. соч. 249 с.

истца (потерпевшего) индивидуальной особенности сумма компенсации увеличивается вдвое и т.п.³², что, по сути, перечеркивает значение индивидуально-психологических особенностей личности истца (потерпевшего) и выхолащивает само содержание института морального вреда.

Рассматриваемый в отрыве от конкретной личности психический дистресс не дает оснований говорить о возможном последующем возникновении морального вреда. Его возможная трансформация в моральный вред наиболее оптимально может быть объяснена в рамках категории социальной установки (аттитюда), под которой понимается состояние сознания, регулирующее отношение и поведение человека в связи с определенным объектом в определенных условиях, и психологическое переживание им социальной ценности, смысла объекта³³. Социальная установка состоит из трех компонентов: когнитивного (знание, представление о социальном объекте), аффективного (эмоционально-оценочное отношение к объекту) и конативного (поведенческого) (потенциальная готовность личности реализовать определенное поведение по отношению к объекту). Следует отметить, что будет или нет реализовано поведение, соответствующее когнитивному и аффективному компонентам определенной установки, зависит от ситуации, т.е. от взаимодействия с другими аттитюдами.

В национальных психологических школах существует целый ряд близких к идее социальной установки концепций и понятий, которые, однако, возникли вне рамок этой проблемы.

Представляется наиболее оптимальным объяснение процесса возможной трансформации острого стресса в моральный вред в рамках деятельностно-смыслового подхода, разработанного А. Н. Леонтьевым и получившего развитие в исследованиях Д. А. Леонтьева³⁴.

Основными понятиями данного подхода являются понятия жизненных отношений, жизненного смысла и смысловых структур личности. Жизненные отношения связывают человека с объектами, явлениями и событиями его жизненного мира. Жизненный смысл характеризует место и роль различных объектов, явлений и событий в жизни данного конкретного человека. Жизненный смысл какого-либо объекта, явления или ситуации преломляется в структуре личности в превращенной форме (М. К. Мамардашвили) различных структур, которые, имея одно и то же смысловое содержание, функционально различаются и занимают разное место в системе смысловой регуляции человеческой деятельности³⁵. Смысловые структуры личности представляют собой пре-

---

³² См.: Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 130—131, 137—138.

³³ См.: Современная психология: Справ. рук-во. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 489.

³⁴ См.: Леонтьев Д. А. Структурная организация смысловой сферы личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988; *Он же*. Личность: Человек в мире и мир в человеке // Вопр. психологии. 1989. № 3. С. 11—21; *Он же*. Человек и мир: Логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: Аспекты взаимодействия / Отв. ред. Б. А. Пархонский. Киев: Наукова думка, 1990. С. 47—58.

³⁵ См.: Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 2000. С. 38.

вращенную форму жизненных отношений. По функциональному основанию выделяются шесть видов смысловых структур: личностный смысл (составляющая сознания, репрезентирующая в образе объектов и явлений их жизненный смысл для субъекта); смысловая установка (элемент исполнительных структур деятельности, обнаруживающийся в эффектах стабилизации деятельности, преградных, отклоняющих и дезорганизирующих влияниях на ее протекание); мотив деятельности (системное качество, приобретаемое предметом деятельности и придающее ему способность в конкретной ситуации инициировать, побуждать и направлять деятельность); смысловая диспозиция (устойчивое отношение к объектам и явлениям действительности); смысловой конструкт (категориальная шкала, используемая при восприятии, оценке, генерализации и классификации объектов и явлений по их месту и роли в жизни субъекта); личностная ценность (присвоенная в ходе социализации идеальная модель должного, служащая, наряду с потребностями, источником смыслообразования).

Согласно Д. А. Леонтьеву, некоторые из этих структур являются ситуативными (личностный смысл, смысловая установка, мотив), другие устойчивыми (смысловая диспозиция, смысловой конструкт, личностная ценность). Некоторые проявляют себя на уровне процессов переработки опыта и построения образа мира (личностный смысл, смысловой конструкт), другие преимущественно на уровне практического взаимодействия с миром (мотив, смысловая установка)³⁶.

Процесс трансформации (превращения) острого стресса в моральный вред в таком случае можно представить следующим образом.

1) Возникший с *учетом индивидуально-психологических особенностей* (подчеркнем это особо!) острый стресс вследствие превышения силы стрессового воздействия над индивидуальными защитными системами организма (или несовершенства, дефекта этих систем, или т.п.) не разрешается физиологически спонтанно, а хронифицируется, переходит либо в расстройство адаптации, либо в ПТСР. Роль индивидуально-психологических особенностей заключается в самом факте возникновения дистресса, во внезапности возникновения дистресса (человек не планировал заранее, не предполагал его возникновения), а также в том, что функционирование индивидуальной защитной психофизиологической системы организма оказалось недостаточным для физиологического спонтанного разрешения стресса.

Особо необходимо подчеркнуть, что вся многообразнейшая симптоматика острого стресса (физиологическая и психическая) никак не

---

³⁶ См.: Леонтьев Д. А. Структурная организация смысловой сферы личности; *Он же*. Личностный смысл и трансформация психического образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1988. № 2. С. 3—14; *Он же*. Установка как механизм смысловой регуляции деятельности // Теория установки и актуальные проблемы психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 158—168; *Он же*. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 33—42.

должна относиться к признакам морального вреда, так как является универсальной общечеловеческой (в широком плане — общебиологической) реакцией на действие любых вредностей.

2) Если состояние индивидуальной комплексной защитной антистрессовой системы организма не позволяет ей физиологически завершить реакции острого стресса, то, как уже упоминалось выше, формируются состояния расстройства адаптации или ПТСР. Эти состояния, в том случае, если в последующем они трансформируются в моральный вред, непосредственно предшествуют его развитию, являясь его непосредственной психофизиологической основой. Вместе с тем, нельзя автоматически проводить соответствие между этими состояниями и моральным вредом, так как далеко не каждое расстройство адаптации или посттравматическое стрессовое расстройство рассматривается истцом (потерпевшим) как моральный вред. Человек эволюционно устроен таким образом, что систематически, даже ежедневно, переживает определенное количество стрессовых состояний, но лишь ничтожно малая их часть в дальнейшем может приобретать значение (смысл) морального вреда. Биологический смысл стрессовых состояний вообще заключается в повышении и упрочении жизнедеятельности организма.

В современной биологии и медицине при рассмотрении человека окончательно утвердился принцип холизма (единства и целостности физиологического и психического), поэтому расстройства адаптации и ПТСР могут и должны рассматриваться как психофизиологические основы физических и нравственных страданий, конкретные формы которых могут варьировать у разных людей.

3) Третий, заключительный этап формирования морального вреда связан с приобретением физиологическими проявлениями социального смысла³⁷.

Любая болезнь, в том числе и любая болезненная симптоматика (страдания!), на том или ином этапе своего развития подвергаются человеком интеллектуальной и эмоциональной переработке и оценке. Этот феномен и, соответственно, процесс впервые были описаны известными немецким невропатологом А. Гольдшайдером в 1929 г. и советским терапевтом Р. А. Лурией в 1935 г. и оформлены ими в виде концепции внутренней картины болезни (ВКБ)³⁸. В ВКБ, согласно А. Гольдшайдеру—Р. А. Лурии, выделяются две части: интеллектуальная (размышления больного в связи с болезнью, отражающие его реакцию на изменение состояния) и сенситивная (комплекс возникающих вследствие болезни ощущений). ВКБ имеет не только медицинские и психологические, но и социальные аспекты, так как она в одних случаях играет

---

³⁷ Правильнее, возможно, будет говорить не о *приобретении*, а о *восстановлении* социального смысла, так как, по идеологии морального вреда, изначальный острый стресс имеет исключительно социальное происхождение.

³⁸ См.: Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977.

роль оптимизатора, определяющего поведение, направленное на преодоление болезни, в других — формирует пессимистические прогнозы, сопровождаемые отрицательными эмоциями³⁹.

Социальное значение ВКБ проявляется также во влиянии ее на социальный статус, социальное положение, семейные и служебные отношения, трудоспособность, ценностные ориентации, жизненную перспективу личности и т.д.⁴⁰

Подвергаясь соответствующей переработке (в рамках интеллектуальной части ВКБ), симптомы последствий стресса могут приобретать социальный смысл в форме морального вреда. Процесс этот крайне сложный и многофакторный. В качестве его базовых моментов необходимо учитывать следующие:

1) интеллектуальная переработка симптомов неразрывно связана с их количеством и качеством (в том числе и со степенью выраженности). Обе части ВКБ опосредуются индивидуально-личностными особенностями истца (потерпевшего);

2) в структуре интеллектуальной переработки исключительно большую роль играют особенности правосознания истца (потерпевшего). Только имея познания о моральном вреде как о правовой категории, можно трактовать последствия психической травмы как моральный вред⁴¹. Незнание о правовой категории морального вреда исключает его возникновение у индивидуума именно как индивидуально-лично обусловленной правовой категории, например, незнание истинной причины патологии исключает возможность этиологически осмысленного и целенаправленного терапевтического воздействия на нее. Недостаточное и/или искаженное знание о моральном вреде нередко провоцирует поиск его там, где он сомнителен или вовсе невозможен по своей сути⁴²;

3) возникновение психофизиологических проявлений морального вреда всегда внезапно, неожиданно как для самого истца, так и для окружающих его людей⁴³. О моральном вреде можно говорить лишь в том случае, если до психотравмирующего события (острого стресса),

³⁹ См.: Кабанов М. М., Личко А. Е., Смирнов В. М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л.: Медицина, 1983. С. 38. В. Л. Васильев в 80-е гг. XX в. на основе идеи ВКБ создал учение о внутренней картине преступления, но, к сожалению, подробного развития эта проблема до настоящего времени не получила.

⁴⁰ См.: Кабанов М. М., Личко А. Е., Смирнов В. М. Указ. соч. С. 38—39.

⁴¹ Важно то обстоятельство, что говорить о моральном вреде можно только при возникновении негативных последствий острого стресса, так как сам по себе острый стресс неспецифичен и полипотентен.

⁴² Например, крайне сомнительно возникновение морального вреда вследствие несвоевременной выплаты заработной платы. Требуется отдельное изучения и вопрос о возникновении морального вреда в условиях хронической стрессовой ситуации.

⁴³ Здесь можно проследить определенную аналогию с условиями возникновения физиологического аффекта.

даже в случае прогнозирования истцом (потерпевшим) вероятности его развития, у индивидуума не было установки на моральный вред. Это очень важно, так как наличие установки на какое-либо телесное событие, симптоматику, даже без наличия реального причинного фактора может вызвать развитие соответствующих симптомов⁴⁴. Таким образом, мысли, представления о моральном вреде могут возникать у истца (потерпевшего) лишь после самого события психической травмы (острого стресса), и их возникновение обусловлено особенностями правовой культуры индивидуума и его индивидуально-личностными особенностями. Нет оснований рассматривать дистрессовое событие в качестве морального вреда, если у человека *заранее* имеется установка на то, что психотравмирующее событие будет для него моральным вредом;

4) важным является вопрос об особенностях морального вреда у лиц с уже имеющимися соответствующими разнообразными психофизиологическими проявлениями и/или психосоматической патологией. Речь идет о том, как оценивать наличие физических и нравственных страданий у истца (потерпевшего), у которого проявления физических и/или нравственных страданий уже существуют в связи с иными причинами.

В подобных, нередких, ситуациях необходимо иметь в виду следующие обстоятельства:

1) в случае наличия иных по происхождению физических и/или нравственных страданий до момента психической травмы (острого стресса) следует оценивать динамику их проявлений в связи с психотравмирующим событием. Лишь устойчивая негативная динамика может свидетельствовать о развитии психофизиологических маркеров морального вреда;

2) исключительно важным обстоятельством является анализ отношения истца (потерпевшего) к ранее возникшей симптоматике физических и/или нравственных страданий. Если индивидуум не предпринимает необходимых усилий по ее устранению (как частный вид этого — не обращается за специализированной (медицинской и/или психологической) помощью, не выполняет или недостаточно точно выполняет рекомендации специалистов), то говорить о моральном вреде в данном случае крайне затруднительно, если вообще возможно. Это обусловлено тем, что особенности динамики любой спонтанно развивающейся психофизиологической симптоматики не могут быть доказательно объяснены действием именно определенного (моральный вред), а не какого-либо иного стрессора. Ухудшение состояния, усиление проявления физических и/или нравственных страданий, если они существовали уже до психической травмы, истолковываемой истцом (потерпевшим) как причина морального вреда, при отсутствии необходимых усилий по их устранению до момента психической травмы, могут быть обусловлены совершенно иными причинами. Лишь в случае *активной* коррекции (ле-

---

⁴⁴ Например, описаны не столь уж и редкие случаи ложной беременности с комплексом соответствующих физиологических изменений в отсутствие факта оплодотворения и, разумеется, самого реального факта беременности.

чения) симптоматики, строгом соблюдении всех рекомендаций специалистов ее отрицательная динамика может быть оценена как возникновение психофизиологических коррелятов морального вреда.

В медицине и психологии строгое следование пациента рекомендациям специалистов называется комплайенсом, а соответствующее свойство личности — комплайентностью. К сожалению, по данным многочисленных исследований, комплайентность пациентов в целом очень мала. Так, С. Монтгомери приводит сведения о том, что, по данным Европейского опроса 78 000 взрослых, у 17 % были обнаружены признаки большой депрессии (которые с полным основанием могут быть расценены и как физические, и как нравственные страдания. — С. Б.), и только менее 8 % (!) из этих взрослых систематически получали необходимое лечение⁴⁵.

Наличие же симптомов физических и/или нравственных страданий до момента психической травмы не только может облегчать ее возникновение (благоприятная для травмы «почва»), но и видоизменять ее дальнейшую динамику. При этом вид конкретных предсуществующих симптомов не имеет существенного значения, так как основное в данном случае — измененная общая психофизиологическая реактивность индивидуума.

Наличие до момента действия стресса физических и/или нравственных страданий иного происхождения в большинстве случаев может облегчать возникновение новых и/или изначально усиливать степень их выраженности, что ставит индивидуумов в заведомо неравное положение по вероятности развития в дальнейшем морального вреда. А это обстоятельство неизбежно влечет за собой серьезные теоретико-правовые проблемы института морального вреда.

Важно помнить, что изначально *наличие физических и/или нравственных страданий* есть необходимое, но не достаточное условие констатации морального вреда. Понятие и содержание физических и/или нравственных страданий несоизмеримо шире понятия морального вреда. В подавляющем большинстве случаев наличие физических и/или нравственных страданий никак не связано с моральным вредом. Только *при условии соответствующей личностной переработки*, оценки таких страданий, что предполагает достаточный уровень правовой культуры индивидуума, они становятся и необходимым признаком морального вреда. При этом, как уже указывалось выше, вряд ли заслуживает внимания точка зрения ряда авторов о латентном, скрытом моральном вреде. Моральный вред *должен быть осознан* индивидуумом, иначе, непомерно расширив его границы, можно выхолостить само данное понятие;

3) с особой тщательностью при квалификации в рамках института морального вреда физических и/или нравственных страданий следует подходить к оценке психосоматических болезней. Как известно, психосоматическими называются такие заболевания, в происхождении (этиологии), механизмах развития (патогенезе) и выздоровления (саногенезе) которых ре-

⁴⁵ См.: Монтгомери С. Почему нам нужны новые и улучшенные антидепрессанты? // Рос. психиатрический журнал. 2007. № 4. С. 83.

шающее значение принадлежит психическим (психологическим) факторам. В связи с интенсивным развитием современной медицины и переходом ее на позиции доказательности круг таких болезней постоянно уточняется. Именно поэтому из спектра психосоматических заболеваний, значимых для проблемы морального вреда, следует исключить язвенную болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, так как в последние десятилетия убедительно доказана этиопатогенетическая роль в развитии этого заболевания *Helicobacter pylori*, и на этой основе разработаны высокоэффективные схемы антибактериальной терапии. Строго говоря, в настоящее время наиболее доказанными в аспекте отнесения их к психосоматической патологии являются артериальная гипертензия и ишемическая болезнь сердца.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что с моральным вредом можно связать лишь *впервые возникшее* после психотравмирующего события психическое и/или физическое расстройство или такое *обострение* уже имевшегося психического и/или физического расстройства, какого *ранее у истца никогда не встречалось на фоне систематически осуществляемых поддерживающих лечебно-профилактических мероприятий*. При этом первостепенное значение имеют не собственно признаки психического/соматического неблагополучия (они совершенно необходимы, но представляют собой лишь необходимую почву, основу), а проявления *личностной реакции истца* на события и свое актуальное состояние.

Так как регламентированный объем статьи не позволяет рассмотреть в ней все вопросы, связанные с судебно-психологической экспертизой в делах по искам о возмещении морального вреда, завершим ее типовыми (примерными) вопросами к экспертам. (Вопросы методики проведения экспертизы, в том числе, что крайне важно, конкретные экспертные методики, а также проблема однородности/комплексности данной экспертизы будут освещены в отдельной публикации).

В отношении вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом-психологом, на данном этапе развития методологии судебно-психологической экспертизы в делах по искам о возмещении морального вреда следует ориентироваться на те, которые приводят в своем методическом руководстве В. Ф. Енгалычев и С. С. Шипшин (1997) (с некоторыми нашими изменениями — курсив), а именно: 1) Имеются ли, а если имеются, то каковы индивидуально-психологические особенности личности подэкспертного, которые могли оказать существенное влияние на глубину и интенсивность субъективных переживаний им действий и высказываний ответчика? 2) В какой мере отразились действия и высказывания ответчика на основных показателях *психофизиологического состояния* и деятельности подэкспертного? 3) Затронута ли иерархия основных жизненных ценностей подэкспертного, не нанесен ли ей ущерб? 4) Имеются ли признаки иных неблагоприятных изменений в личности подэкспертного, а если имеются, то в чем они выражаются? 5) Если таковые изменения обнаружены, состоят ли они в причинной связи с действиями ответчика?⁴⁶

⁴⁶ См.: Енгалычев В. Ф., Шипшин С. С. Указ. соч. С. 157—158.